

Ли Ань-юань, втянув шею, повернул голову и посмотрел на него, потом медленно, словно улитка, подошёл и протянул ладонь, выпрямив все пять пальцев.

— Один раз принести еду - пять вэней.

Се Баочжу тут же вытаращился на него и крикнул:

— В прошлом году ты Чжао Ючжи носил еду всего за два вэня!

Он рывкнул так, что котёнок у него на руках вздрогнул, и Ли Ань-юань, стоявший перед ним, тоже вздрогнул, весь сжался и стал похож на перепуганную перепёлку с взъерошенными перьями. Бояться-то он боялся, но всё же тихо пробормотал:

— ...Ты богаче.

Се Баочжу:

— ...

Увидев, что Се Баочжу широко раскрыл глаза и уже открыл рот, собираясь снова рывкнуть, Ли Ань-юань с сожалением вздохнул и тихо проворчал:

— Два вэня так два вэня, за два вэня вообще-то тоже можно.

Сказав это, он протянул руку - явно сначала деньги, потом поручение.

Ли Ань-юань тоже был из деревни Хунмэй. Семья у него была бедная, все в доме затянули пояса, чтобы дать ему учиться. Он и сам оправдал надежды, поступил в академию Лумин; к тому же учился хорошо, человек был честный и порядочный, и шаньчжан по собственной воле уменьшил ему плату за обучение наполовину. Но даже так оставшийся один лян за обучение всё ещё числился долгом.

Ли Ань-юань знал, что дома нужда, и никогда этого не стыдился. Напротив, в свободное от учёбы время он всеми способами старался заработать. Переписывал книги, писал письма, помогал соученикам бегать по поручениям, стирать одежду... Сколько бы ни зарабатывал, как бы ни было тяжело и утомительно, он никогда не считал это позором и никогда не думал, что ниже других. Брался за всё, а торговался даже сильнее тётушек и бабушек на овощном рынке.

Большинство тех, кто мог учиться в академии, происходили из более-менее зажиточных семей, таких, как Ли Ань-юань, было мало, и каждый ученик был готов тратить деньги. Ли Ань-юань же был усерден и вынослив; держась так, он вполне мог заработать себе на месячное питание, а если оставалось больше, покупал бумагу и тушь, уже не прося денег у семьи.

Се Баочжу закатил на него глаза. Хотя и с презрением, но всё же сунул руку в сумку за деньгами. Деньги он ещё не нашупал, зато котёнок у него на руках замаякал ещё громче, жалобно - ми-ми, у-у, до боли в сердце.

Се Баочжу удивился:

— Чего он всё время кричит?

Цинь Жунши, уже собравший вещи и готовый уйти, сделал паузу, повернул голову и посмотрел на сумку у Се Баочжу на руках. Котёнок, мяукая, выбрался на колени Се Баочжу, ткнулся головой и потёрся о его ладонь, а потом раскрыл рот и взял мизинец, словно точа об него зубы.

Золотистая шерсть под солнечным светом будто сияла, словно маленькое тёплое солнышко. Если бы Лю Гуюй увидел, он непременно похвалил бы: «милый».

И непременно громко похвалил бы: «милый».

Цинь Жунши подумал и всё же сказал:

— Возможно, он голоден.

Се Баочжу нахмурился, взял котёнка обеими руками под передние лапки, поднял его и пробормотал себе под нос:

— Голоден? Такой маленький, охотиться ведь ещё не умеет! Неужели этому молодому господину придётся ловить для него мышей?!

Что было дальше, Цинь Жунши уже не касалось. Он взял сумку и вышел из учебной комнаты, но голоса за спиной всё не стихали.

Ли Ань-юань поднял руку и тихо сказал:

— Кот слишком маленький, мышей есть не сможет... можно кормить молоком. У нас в деревне одна семья держит козу. Если тебе нужно, я могу принести... одна миска козьего молока - десять взней.

Маленькие счёты в сердце Ли Ань-юаня щёлкали без остановки, и все эти звуки были звоном денег.

Се Баочжу сперва кивнул, потом снова покачал головой и с сомнением спросил:

— А как ты принесёшь? Ты ведь живёшь в спальне академии?

Ли Ань-юань сразу сказал:

— Мой старший брат в городе продаёт хворост! Я после дневных занятий пойду к нему. Если тебе нужно, завтра точно принесу!

В городе деревьев для рубки не было, дрова для готовки и растопки покупали, поэтому некоторые деревенские жители специально рубили хворост и несли его в город на продажу.

Се Баочжу кивнул, затем достал из сумки пятнадцать медяков и сказал:

— Ладно, завтра принеси миску. Но сейчас сначала сходи и принеси мне еду, я уже почти умираю с голоду... Ах да, ещё принеси чашку рисового отвара, пусть этот котёнок пока как-нибудь перебьётся.

Ли Ань-юань часто закивал, быстро спрятал медяки и выбежал наружу, словно боялся, что Се Баочжу передумает!

В академии Лумин ели три раза в день: утром, в полдень и вечером. После обеда можно было отдохнуть полчаса, затем продолжались дневные занятия, и только к часу Ю уроки заканчивались.

Дождь прошёл лишь утром, к полудню уже перестал, но весной часто идут дожди. После занятий Цинь Жунши вышел из академии, думая купить на Восточном рынке зонт.

Вчера был рыночный день. По обычной привычке, Лю Гуюй вчера простоял весь день, а сегодня, казалось бы, не должен был выходить торговать. Но, придя на Восточный рынок, Цинь Жунши неожиданно увидел, что он и Баньбань всё ещё принимают покупателей. Обычно, даже когда они ставили лоток, к этому часу уже собирались и возвращались домой, но новогоднее оживление ещё не прошло, покупателей было много, еды он тоже приготовил больше, и к этому времени всё ещё не распродал.

Перед лотком стояли ещё два знакомых лица - Се Баочжу и Ли Ань-юань.

Он подошёл ближе и как раз услышал их разговор. Ли Ань-юань, понутив голову, сказал:

— Соученик Се, мне правда пора возвращаться. Я уже только что сказал старшему брату, козье молоко для котёнка завтра обязательно принесу.

Се Баочжу уставился на него и недовольно сказал:

— Ли Ань-юань! Ты вообще в порядке? Сколько людей мечтают, чтобы я их угостил, а я не хочу! Я сам зову тебя поесть вкусного, а ты ещё недоволен! Ты знаешь или нет, что сладкие шарики у этого лотка правда особенно вкусные!

Ли Ань-юань тихо пробормотал:

— ...Мне ещё два письма писать, корзину одежды стирать, и ещё у сюая Вана из соседнего Миндэюаня одеяло порвалось, он просил меня заштопать... Одно письмо - пятнадцать вэней, корзина одежды - восемь вэней, зашить одеяло - пять вэней, всё это деньги.

Он бормотал очень тихо, Се Баочжу не расслышал, только почувствовал, что тот жужжит у него над ухом, как комар, который всё время машет крыльями.

Лю Гуюй налил две порции шариков с красной фасолью и протянул им, улыбаясь:

— Молодому хозяину Се ещё что-нибудь нужно?

Се Баочжу окинул лоток взглядом и как раз хотел посмотреть, есть ли ещё какая-нибудь свежая еда, но в следующее мгновение застыл, удивлённо посмотрел на Лю Гуюя и странно спросил:

— Откуда ты знаешь, что моя фамилия Се?

Лю Гуюй ещё не успел ответить, как Цинь Жунши уже подошёл. Се Баочжу увидел и его, и глаза у него засветились ещё ярче.

— Цинь Жунши? — Се Баочжу растянул губы в улыбке и радостно сказал: — Ты тоже любишь еду с этого лотка? Вот это вкус! Давай-давай, смотри, что хочешь съесть, этот молодой господин угощает!

Се Баочжу был словно мальчик, разбрасывающий богатство: только что угостил Ли Ань-юаня, а теперь уже звал Цинь Жунши выбирать что угодно. Семья Се занималась торговлей тканями и была крупнейшим торговцем тканями в уезде Ло. Только в самом уезде у них было пять магазинов тканей и семь магазинов шёлка, не говоря уже о магазинах в окрестных посёлках. Семья Се имела крепкое состояние, а Се Баочжу был поздним сыном отца и матери Се; с детства его любили как зеницу ока, в деньгах он никогда не испытывал недостатка, из-за чего у него и появилась привычка тратить широко, не считая.

В академии у него были хорошие отношения с людьми ещё и потому, что он был щедр на руку: стоило выйти вместе с ним, и за еду, питьё и развлечения платить самому уже не нужно! Он был и мальчиком, раздающим богатство, и тем самым глуповатым богачом, у которого денег больше, чем ума!

Лю Гуюй остановил движение рук, и Баньбань, помогавшая рядом, тоже широко раскрытыми глазами посмотрела на Се Баочжу.

— Молодой хозяин Се знает нашего эрлана?

Се Баочжу:

— ???

Се Баочжу посмотрел на Лю Гуюя, потом на Цинь Жунши, и только после того как мысли в голове прокрутились, он вдруг понял. Среди людей, которых он в тот день видел в магазине вместе с Цинь Жунши, вроде бы как раз были этот гэр и эта маленькая девочка, а ещё женщина постарше; даже сумочка на плече у девочки, кажется, была из их магазина.

Се Баочжу удивлённо воскликнул:

— О-о-о! Так это вы! Те, кто тогда покупал ткань в нашем магазине! Вы семья?

Баньбань кивнула, голос у неё был звонкий и детский:

— Он мой второй брат!

Цинь Жунши тоже кивнул. Сначала он сказал Се Баочжу и Ли Ань-юаню:

— Это моя старшая невестка и младшая сестра.

После этого он посмотрел на Лю Гуюя и продолжил представлять:

— А эти двое - мои соученики, соученик Се и соученик Ли.

Лю Гуюй с улыбкой кивнул, затем посмотрел на еду на лотке и в конце концов достал из бамбуковой корзины последние несколько пачек мягких апельсиновых конфет, тепло и щедро протянув их.

— Вот уж правда судьба! Наш эрлан только поступил в академию Лумин, места и людей ещё не знает, в обычные дни прошу двух молодых господ немного о нём позаботиться. У меня тут нет ничего достойного, всё это закуски, которые я сделал сам, пожалуйста, только не побрезгуйте.

Ли Ань-юань смутился так, что лицо покраснело. Ему было неловко брать, но Лю Гуюй уже сунул свёртки ему в руки, и в конце концов он мог только запинаясь ответить:

— Б-большое спасибо! Я-я, я непременно буду заботиться о соученике Цинь! Если у него одежда порвётся, он может обратиться ко мне за починкой, я очень хорошо чиню!

Се Баочжу же совершенно не церемонился. Не сводя сияющих глаз с двух пачек конфет, он ещё радостно сказал:

— Вот это хорошо! Кисло-сладкие и совсем не приторные! Утром я купил пять пачек, а они мигом разошлись! Эта свора мерзавцев будто голодные духи! Я ещё пожалел, что не купил побольше! У Цинь-гэфу и правда хорошее мастерство! Можете не волноваться! С этого дня брат Цинь - мой родной брат, его дела - мои дела! В академии я уж точно буду его защищать!

Он сунул апельсиновые конфеты в сумку и нечаянно разбудил спавшего внутри маленького рыжего котёнка. Тот, похоже, очень не любил запах апельсинов: задёргал лапками, замяукал, цепляясь коготками, полез наружу, стараясь держаться подальше от двух пачек мягких апельсиновых конфет.

— Это котёнок!

Цинь Баньбань тихо вскрикнула и невольно подняла руку, прикрыв губы.

Се Баочжу странно рассмеялся и, нарочно зажав голос, передразнил Цинь Баньбань:

— Это котёнок!

Он достал маленького рыжего котёнка, поманил Баньбань рукой и тихо спросил:

— Хочешь погладить?

Цинь Баньбань раз за разом закивала. Даже Ло Майэр, помогавшая рядом у лотка с гокуями, посмотрела в их сторону. Две девочки глядели на котёнка и выстроились в очередь гладить шерсть. Они обе с жадным ожиданием смотрели на маленького кота, Цинь Жунши с таким же жадным ожиданием смотрел на Лю Гуюя, а Ли Ань-юань - в сторону академии, явно уже рвался обратно.

Лю Гуй, сдерживая смех, посмотрел на него пару раз, затем достал с деревянной полки под лотком одну пачку конфет, положил её в руку Цинь Жунши и сказал:

— Тебя я тоже не обделю! Это новые конфеты, которые я сделал, со вкусом мёда и помело. Я ещё не начал их продавать. Сначала думал после торговли занести их тебе в академию, но не ожидал встретить тебя здесь.

Промасленная бумага в руках Цинь Жунши тихо зашуршала. Он опустил глаза, посмотрел на

свёрток и только спустя долгое время сказал:

— Не нужно специально приносить, я...

Он не успел договорить, как Лю Гуюй первым перебил его, нарочно склонил голову набок и спросил:

— Тебе не нравится?

Цинь Жунши замер, затем поднял голову и посмотрел на Лю Гуюя. Тот, чуть наклонив голову, смотрел на него и всё ещё улыбался. Казалось, он улыбался в любое мгновение, целыми днями глупо радовался, и неизвестно, откуда у него находилось столько счастливых поводов. Улыбка в его глазах была как прилив, плескалась и почти переливалась через край.

Цинь Жунши смотрел на него долго, прежде чем сказал:

— Нравится.

Лю Гуюй на мгновение застыл. Это был первый раз, когда Цинь Жунши признал, что любит конфеты.

Когда он пришёл в себя, рука уже легла на макушку Цинь Жунши. Он ещё пару раз взъерошил ему волосы и сказал:

— Раз нравится - ешь, только слишком много нельзя. Осторожнее, а то зубы испортишь.

Цинь Жунши:

— ...И всё же не нужно специально ради этого ходить туда-сюда, слишком хлопотно.

Но Лю Гуюй достал ещё больше вещей: зонт, обувь, новую масляную лампу и ещё какой-то свёрток, завернутый в платок.

Лю Гуюй снова сказал:

— Я вчера вернулся и думал то так, то эдак, всё казалось, будто ещё чего-то не додал тебе с собой. И правда, сегодня утром увидел дождь и вспомнил! Зонт забыли взять! Жаль, дома был только один зонт, так что этот я купил новый.

— Всё это возьми. Обувь матушка сшила новую, вчера забыли положить тебе. Ещё эта масляная лампа: вечером, когда будешь читать, надо зажигать свет, не экономь на масле, если

испортишь глаза - всё пропало! А это зубная щётка и зубной порошок. Ты ведь так любишь сладкое, зубы надо беречь, я всё купил сегодня утром в магазине! Забирай всё!

Прежде семья Цинь чистила зубы размоченными ивовыми веточками, макая их в соль, и Лю Гуюю понадобилось немало времени, чтобы привыкнуть. Он изначально думал, что в древности нет таких вещей, как зубная паста и зубные щётки, но сегодня в магазине, где продавали зонты, случайно увидел их. Цена была довольно высокой: на четырёх человек выходило больше двухсот вэней, но Лю Гуюй всё равно купил.

Цинь Жунши, держа полный ворох вещей в руках, пристально смотрел на Лю Гуюя. В голове у него возникло множество слов, но он не знал, какое сказать первым. В конце концов, встретившись с полной улыбкой Лю Гуюя, он и сам не удержался: уголки губ приподнялись, и он невольно произнёс:

— Я как раз вышел купить зонт. Хорошо, что не купил.

<http://bllate.org/book/17177/1735477>